

О ТАЛЬБЕРГЕ В. Н. — ПЕШКОВОЙ Е. П.
О ТАЛЬБЕРГЕ В. Н. — ВИНАВЕРУ М. Л.
ТАЛЬБЕРГ В. Н. — в ОГПУ
ТАЛЬБЕРГ М. Ф. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ТАЛЬБЕРГ Владимир Николаевич, родился в 1871 в Курмыше Симбирской губ. (из дворян)¹. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского императорского университета. Служил в Государственном контроле казенных железных дорог в Санкт-Петербурге, к 1917 — в чине статского советника. Член партии кадетов. С марта 1917 — секретарь городской управы в Симферополе, с 1918 — управляющий делами коммунального хозяйства там, затем работал в Госторге. С 1923 — ответственный секретарь Экономического совета Крыма, позднее — Госплана Крыма. Ученый секретарь Русского общества по изучению Крыма. В ночь с 13 на 14 июня 1927 — арестован, 12 июля приговорен к 3 годам ссылки в Сибирь².

В сентябре 1927 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью его жена Мария Федоровна Тальберг.

<2 сентября 1927>

«Политический Красный Крест.
Екатерине Павловне Пешковой

Гражданки М. Тальберг

Заявление

Не имея ни средств, ни возможности самой приехать в Москву для хлопот по делу мужа моего, обращаюсь к вам, как председательнице по делу помощи политическим заключенным, с просьбою помочь мне в моем горе: 13 июня с<его> г<ода> арестован муж мой, ответств<енный> секретарь Госплана Крыма и ученый секретарь Русск<ого> Общ<ества> по изучению Крыма — Владимир Николаевич Тальберг, человек, о полной лояльности и преданной огромной работе, которую на пользу Советской России могут подтвердить многие ответственные партийные работники, с которыми ему довелось работать за все истекшие 7 лет Советской власти в Крыму. К таковым относятся тов<арищи> Гавен, Дерен-Айерлы, Шмидт Я.П. (директор Тестильстроя), и многие другие, находящиеся в Москве, и нынешний состав Крымского правительства в лице Вели Ибраимова, Шугу, Галкина и друг<их> Нар<одных> ком<иссар>ов, с котор<ыми> он по роду своей деятельности постоянно соприкасался. Здесь он в момент прихода Советской власти был секретарем управы, и остался преемственно Управ<ляющим> дел<ами> Коммун<ального> хоз<яйств>а, затем Госторга, а с 1923 г<ода> перешел секретарем в ЭКО<номический> СО<вет>, а затем отв<етственным> секретарем Гос<ударственного> плана Крыма. В прошлом не занимал никакого высокого поста, служил 22 года без перерыва в железнодорожном контроле Сев<еро>-Зап<адной> жел<езной> дор<оги>, и с самого начала революции честно работал в советских учреждениях.

Итак, арестованный 13 июня, он последний раз был допрошен 9 июля, и ему предъявлено было обвинение по § 58 п<ункт> 18 Уг<оловного> Код<екса>, пункту, ныне отпавшему, согласно опубликованной 17 июня с<его> г<ода> новой редакции § 58 Уг<оловного> Код<екса>.

¹ Алфавитный указатель жителей Петрограда на 1917 год. Петербургский генеалогический портал, 2005. Издательство ВИРД, 2005.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1: Д. 187. С. 116-120; Д. 205. С. 96; Д. 227. С. 16.

С тех пор, уже два месяца, мы напряженно ждем дальнейшего хода дела; он находится в заключении, а между тем ему 56 лет, здоровье его расстроено предыдущей большой работой, он страдает болезнью сердца и почек, и я вижу на свиданиях, как падают его силы и здоровье.

Измученная почти трехмесячным заключением мужа, я решила обратиться к Вам с горячей просьбой — об ускорении хода дела мужа моего или об исходатайствовании мне разрешения взять его на поруки, и вообще о смягчении его участи в виду его долгой и плодотворной (как говорили его начальствующие партийные лица) работы и расстроенного здоровья. Не откажите в сообщении последующего.

М. Ф. Тальберг.

2 сентября 1927 г<ода>.

Симферополь, ул<ица> Володарского
д<ом> № 16, кв. 1»³.

В начале октября 1927 — Мария Федоровна Тальберг обратилась за помощью к Михаилу Львовичу Винаверу.

<1 октября 1927>

«Политический Красный Крест
Михаилу Львовичу Винавер

гражданки М. Тальберг

Заявление

14 июня с<его> г<ода> был арестован муж мой, ответственный секретарь Госплана Крыма и ученый секретарь Русск<ого> общ<ест>ва по изучению Крыма — Владимир Николаевич Тальберг. Последний допрос был 9 июля и ему предъявлено обвинение по § 58 п<ункта>18 Угол<овного> Код<екса>, пункта, ныне отпавшему по новой редакции § 58 Уг<оловного> Код<екса>.

Обвинение это не было подтверждено указанием ему конкретных фактов, и об этом муж мой неоднократно подавал заявления в надлежащие инстанции, но до сих пор указания не получил.

Муж мой в обвинении, предъявленном ему, виновным себя не признает, и в подтверждение полной своей лояльности и огромной работы, которую он нес за все 7 лет Советской власти в Крыму на ответственных должностях, может сослаться на целый ряд высокоответственных партийных работников с которыми ему довелось служить. К таковым относятся тов<арищи> Гавен (Госплан СССР), Дерен-Айерлы, Шмидт Я. П. (Текстильстрой) и друг<ие>, находящиеся ныне в Москве, т<оварищи> Сеид Галиев (Казань), Гончаров (Самарканд), — могущие дать о нем отзыв; и нынешний состав Крымского правительства в лице Вели Ибраимова, Шугу, Галкина и других наркомов, с которыми ему приходилось работать ежедневно и почти до ночи, и мнение крупных партийных работников было о нем, что это человек нужный, знающий и безусловно лояльный.

В прошлом муж мой не занимал никакого высокого поста; он окончил юридический факультет, но никогда не служил по судебному ведомству, а в течение 20 лет непрерывно служил по бывш<ему> Государственному Контролю казенных железных дор<ог>. В момент прихода Советской власти в Крым он служил секретарем городской управы, после чего преемственно остался Управ<ляющим> делами Коммун<ального> хоз<яйств>a. Ему 56 лет, страдает сердцем и болезнью почек, недавно в Крым<ском> изоляторе была медицинская экспертиза состояния его

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 270. С. 117. Автограф.

здоровья, подтвердившая мои опасения, что здоровье его очень пострадало от почти четырехмесячного заключения.

Я обращаюсь к Вам с просьбой, оказать мне помощь в выяснении его невиновности и принять во внимание его усиленную государственную и краеведческую работу (3 краеведческие статьи в сборнике "Весь Крым" 1926 года и в московском журнале "Крым", № 4) и ходатайствовать о деле моего мужа, находящегося ныне (по словам прокурора по делам ГПУ Крыма) в Москве, в Особом Совещании.

М. Ф. Тальберг.

1 октября 1927 г<ода>.

Симферополь, улица Володарского
д<ом> №16, кв. 1»⁴.

В конце октября 1927 — Владимир Николаевич Тальберг лично обратился с заявлением в ОГПУ.

<25 октября 1927>

«В ОГПУ

В. Н. Тальберга

Заявление

Постановлением Особого Совещания при ОГПУ от 16 сентября с<его> г<ода> по делу № 49468 я осужден по ст<атьям> 58-15 и 121 УК на ссылку в Сибирь на 3 года.

ГПУ Крыма направило меня в Новосибирск в распоряжение местного П<олномочного> П<редставителя> ГПУ, предоставив мне право свободного проезда с явкой на место к 1 ноября с<его> г<ода>.

Принимая во внимание:

1) мой возраст (56-й год) и состояние здоровья (см<отреть> копию акта), на основании чего жить в холодном климате и без надзора врача для меня опасно,

2) что жена моя по болезненному состоянию совершенно лишена возможности следовать за мною на север, чем разрушается наша совместная жизнь,

3) что фактические данные, обосновывающие обвинение, мне неизвестны,

4) что сам я не знаю за собою преступлений, упоминаемых в указанных статьях,

5) что с момента присоединения Крыма к РСФСР я участвовал в созидательной работе на ответственных должностях, в том числе последние 4 года в Крымском экономическом и Крымском Государственном плане,

6) что на этих днях весь <нрзб.> ждет праздника 10-летия Сов<етской> власти, в строительстве которой есть и моя доля работы в течение 7 лет, насколько у меня было сил и знаний,

7) что обо мне могут дать отзывы многие партийные товарищи, знающие меня по работе,

Прошу:

1) пересмотреть мое дело,

2) разрешить мне проживание в пределах Европейской части Союза,

3) в ожидании результатов пересмотра дело предоставить мне жить в гор<оде> Новосибирске, где я буду иметь возможность применить с пользой для Сов<етской> власти свои знания и опыт, а также пользоваться врачебною помощью.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 270. С. 117. Автограф.

г<ород> Москва. 25 Октября 1927 г<ода>.
проездом в Новосибирск

Приложения: 1) копия акта медиц<инского> освидетельствования,
2) докладная записка на 7 стр<аницах>»⁵.

К письму Владимира Николаевича Тальберга была приложена "Докладная записка".

«Докладная записка

В. Н. Тальберга

Постановлением особого совещания при ОГПУ от 16 Сентября с<его> г<ода> по делу № 49468 я приговорен к 3 годам ссылки в Сибирь по обвинению по ст<атьям> 58-15 и 121 УК, т<о> е<сть> за помощь международной буржуазии, борющейся против Советской власти и за восстановление в собственности путем оружия и шпионажа, и за разглашение секретных сведений.

При допросах в ГПК Крыма обвинение мне было сформулировано по ст<атьям> 58-18 и 121, т<о> е<сть> за распространение дискредитирующих Сов<етскую> власть слухов и за разглашение тайн.

Таким образом Особое совещание обвинило меня в таком преступлении, которое не имелось в виду при допросах в ГПУ Крыма. Но даже обвинения, предъявлявшиеся мне на допросах в Симферополе, не были обоснованы какими-либо фактами, по поводу которых я мог бы давать объяснения.

Единственный факт, указанный мне при допросе, а именно, что я якобы разглашал секретные сведения во время обыска в присутствии моей жены и свояченицы, агента ГПУ и милиционера (понятые не были приглашены), являются не правдоподобными, так как пожилому человеку, много лет имевшему ответственную работу и потому относящемуся сознательно к каждому своему слову, не придет в голову так держать себя в тяжелой обстановке обыска и ареста, ухудшая этим свое положение.

По поводу всех этих обвинений считаю необходимым категорически заявить, что я абсолютно не виновен ни в одном из перечисленных выше преступлений.

В подтверждение этого привожу следующие фактические данные, многие из которых могу подтвердить документально, а другие — свидетельскими показаниями.

Происхожу я из трудовой культурной семьи городских служащих со скромными средствами. Так, в мои детские годы в Симферополе мать моя брала заказы на шитье белья и детских платьев, а затем в Киеве 25 лет подряд была преподавательницей кройки и шитья в женской профессиональной школе. Отец мой вышел в отставку, когда мне было 14 лет и получал небольшую пенсию. В течение университетского курса я пользовался стипендией, давал уроки, летом служил в экономии, а когда мне захотелось попутешествовать, то я мог это осуществить лишь поступившим матросом на пароход добровольного флота. Все это указывает на скромный уклад жизни нашей семьи.

Откуда при таких условиях трудовой семейной жизни могло бы у меня развиваться мирозерцание защитника существовавшего тогда строя?

И, действительно, в течение университетского курса я принадлежал к радикальным кругам студенчества, был старостой курса, принимая непосредственное участие в студенческих беспорядках 1894-1895 г<одов> после смерти Александра III.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 270. С. 56-56а. Автограф.

По окончании курса мне было предложено остаться при университете по циклу экономических наук, которые интересовали меня гораздо больше, чем чисто юридические. От этого лестного предложения готовиться к профессорскому званию мне пришлось отказаться из-за отсутствия средств к существованию, так как в те времена университет первые два года ничего не платил оставленным.

При выборе служебной деятельности я остановился на скромной и невинной работе по государственному контролю, как учреждению, ставившему своей задачей охрану народного достояния от всяческих на него посягновений. В спорах с товарищами, искавшими применения своих знаний в администрации и юстиции или же стремившихся в адвокатуру, я не раз доказывал, что не лежит мое сердце к тому, чтобы судить или преследовать людей, или же продавать себя всякому, кто имеет средства мне заплатить.

В госконтроле я прослужил 23 года (1895-1917 г<оды>), занимая за это время должности от канцелярского чиновника с окладом 40 руб<лей> в месяц до старшего контролера на железной дороге с жалованием 225 руб<лей>. Последняя должность была сравнительно небольшой (в нашем контроле было 9 старших контролеров); в общем, успехами по службе похвастаться я не могу, и не раз меня обгоняли по протекции более молодые и, по-моему, менее знавшие дело. С сослуживцами отношения были очень хорошие, но начальство в Министерстве меня не любило, и однажды я был переведен из одного контроля в другой без моего согласия и предупреждения и почти в штрафном порядке. Жил я исключительно на служебные заработки, причем, содержание, получаемое мной, при Петербургских ценах было невелико; в 1906 г<оду> с целью посетить Америку я в возрасте 34 г<одов> поступил на пароход добровольного флота в качестве помощника писаря, и сделал рейс с эмигрантами, впечатление о котором изложил в ряде фельетонов в биржевых ведомостях.

Женился я на моей многолетней сослуживице по ж<елезно>-д<орожному> контролю, которая, прослужив 16 лет, оставила службу лишь после выхода замуж за меня, т<ак> к<ак> совместная служба мужа и жены не разрешалась.

По всем этим причинам служба моя в ж<елезно>-д<орожном> контроле не могла выработать из меня бюрократа. В то же время привычка на казенной дороге видеть в государстве собственника и хозяина большого предприятия и охранять его интересы против всяких частных лиц создавало предпосылку к работе в национализированных предприятиях.

В период службы на ж<елезной> д<ороге> ни к каким партиям я не принадлежал, т<ак> к<ак> это было запрещено, но всегда принадлежал к радикально мыслящей части интеллигенции. В 1917 г<оду> после Февральской революции, когда почти все распределились между партийными группировками, я вошел в состав кадетской партии, причем, связей и знакомств с видными членами ее у меня не было. В этом году я был внесен в список кандидатов гласной Городской Петроградской Думы, но избран не был, т<ак> к<ак> при отдаленности моего места в списке очередь до меня не дошла. В дальнейшем ни в Москве, ни в Киеве, ни в Симферополе я не входил ни в какие партийные организации.

После Октябрьской революции в период забастовки служащих Петроградских учреждений наш контроль продолжал частично работать по оплате работ на оборону и транспорт, и мне пришлось пропустить за своей подписью немало ассигновок.

В 1918 г<оду>, с переходом центральных учреждений в Москву, я был назначен помощником управляющего центральным отделом госконтроля по ревизии общественных организаций, впервые получив должность второго лица в большом учреждении. Когда при переговорах с Украиной

под председательством Раковского был поднят вопрос о размежевании имущества РОКК'а, находившегося на прифронтовой полосе, то в состав миссии РОКК'а на Украине от госконтроля был включен я. При этом Нарком госконтроля т<оварищ> К. И. Ляндер дал мне секретное поручение выяснить на месте размер имущества РОКК'а в больших центрах Украины, а Президиум Союза служащих Госконтроля поручил мне попутно определить отношение служащих контрольных учреждений Украины к их товарищам, находящимся за рубежом. Пробыв на Украине около 2½ мес<яцев> я получил в Одессе и Екатеринославе подробные описи имущества РОКК'а, а по Киеву — общие итоги такового; в контрольных учреждениях Одессы, Харькова, Екатеринослава мне удалось добиться единогласных постановлений общих собраний служащих, что они считают себя связанными с товарищами из РСФСР и надеются на соединение с ними в одном общем союзе. Обо всем этом я докладывал подробно, вернувшись в Москву, тов<арищу> Ландеру, который одобрил мою работу, и в Союзе.

В результате этого в конце 1918 г<ода> я был вновь командирован в Киев, где занимался ревизией расходов миссии РОКК'а. Работа ее к этому времени в контакте с Центропланбежем⁶ состояла в отправке в РСФСР эшелонов из русских солдат, бывших в Австрии в плену и бежавших оттуда массами в неорганизованном порядке немедленно вслед за окончанием империалистической войны. Этих солдат мы кормили на этапе под флагом РОКК'а, снабжали одеждой и обувью и отправляли этапными поездами. Отношение с Украиной к концу года очень ухудшилось, т<оварищ> Раковский со своим штабом уехал в Москву, а миссия РОКК'а была оставлена для продолжения по возможности своей работы. Затем, однако, с возникновением фронта в районе Черниговской губернии и прекращением прилива денежных средств миссия стала постепенно сворачиваться, сохраняя лишь наиболее активных работников. Вследствие этого в одно из сокращений штатов в числе других был сокращен и я.

При таких условиях мне предстояло или пробираться через фронт в Москву, или оставаться в Киеве, или же куда-нибудь ехать. Мы с женой решили сделать последнее и ехать в Симферополь, где у меня было много товарищей по гимназии, тем более что состояние здоровья жены требовало теплого климата.

В начале 1919 г<ода> я начал работать в Симферополе, первоначально в должности секретаря районного попечительства — продовольственно-снабженческой организации, где я работал и в краткий период Сов<етской> власти — апрель-июнь 1919 г<ода>. Вскоре вслед затем я был назначен секретарем Симферопольской Городской Управы, пробыл на этой должности до ноября 1920 г<ода>, когда Сов<етская> власть пришла в Крым в последний раз и окончательно.

В работе моей в Крыму за этот период я сознательно избегал не только учреждений, связанных с борьбой против Сов<етской> власти, но даже и обычных государственных органов, близких мне по характеру работы, как например, финансовых и контрольных. Направление Симферопольского Городского Самоуправления было прогрессивным, и я с чувством удовлетворения вспоминаю постановление Городской Думы, протестующее против Слащевских виселиц и расстрелов.

Мое личное поведение в это время, когда тогдашним властями так приветствовались всякие выступления против Сов<етской> власти, было охарактеризовано одним из партийных товарищей как чуждое политических тенденций того времени. Эта характеристика была дана много позже, а именно в 1923-1925 г<одах> товарищем, который, скрывая свою политическую принадлежность, служил тогда в скромной должности в

⁶ Центральный Комитет по пленным и беженцам.

бухгалтерии Городской Управы и потому должен был хорошо меня знать.

После установления в Крыму Сов<етской> власти я работал с первого дня на ответственных должностях, сначала по коммунальному хозяйству, где при мне как Управ<ляющим> делами и члене Коллегии Симферопольского коммун<ального> хоз<яйств>а проводились: муниципализация, установление платности торговых и жилых помещений, восстановление электрохозяйства и т<ак> д<алее>; одновременно работал по совместительству секретарем и управ<ляющим> делами Крым<ского> коммун<ального> хоз<яйств>а и неоднократно ревизировал и инструктировал коммун<альные> отделы городов Крыма.

Затем в 1923 г<оду> я был приглашен на работу в Крым<ский> ЭКО<номический> СО<вет> заместителем секретаря его и преемственно продолжал работу по регулированию и планированию различных отраслей народного хозяйства — главным образом по коммунальному хозяйству, транспорту и курортам — в Гос<ударственном> плане Крыма вплоть до дня ареста июня с<его> г<ода>, занимая последние 1½ года должность ответственного секретаря Госплана.

Работа эта очень удовлетворяла меня своим внутренним содержанием, т<ак> к<ак> регулирование экономических процессов дало возможность ежегодно отмечать сделанные шаги вперед, ощущать на укладе жизни всех окружающих улучшение ее условий и чувствовать свою долю заслуг в этой созидательной работе; с внешней же стороны моя должность была такой высокой, какой мне никогда не приходилось занимать раньше, и давала очень хорошее вознаграждение. Все это делало меня гордым своим положением и, по совести говоря, я ничего не желал, кроме возможности идти дальше, работать в прежнем направлении в Крыму, который я так люблю и так давно и хорошо знаю. Единственным тяжелым моментом за Крымский период был мой конфликт из-за личных отношений с профсоюзом, и в результате чего я некоторое время не состоял членом союза. Причина моего исключения — не участие в культурной жизни союза — была настолько не основательная, что местком в полном составе со всеми комиссиями протестовал против постановления правления. Другой причиной конфликта было стремление ввести — по директивам начальника учреждения — режим экономии в получении пайков без исчисления их стоимости в золотой валюте и в пользовании служебными автомобилями, разъездами и т<ак> д<алее>. Ничего антисоветского в моих действиях, повлекших исключение из Союза не было, и мои заявления о восстановлении (в конце концов увенчавшееся успехом) были поддержаны рядом ответственных советских работников; так письменно рекомендовали меня члены Союза, лица, занимавшие в момент конфликта должности пред<седателя> КСПС, Наркома труда Крыма, Управляющего Крым<ским> коммун<альным> хоз<яйств>ом и другие.

Мое отношение к современному положению ясно из одной из моих статей в Юбилейном сборнике, изданном Крым<ским> ЦИКом к 5-тилетию Сов<етской> власти в Крыму. Всякому ясно, что для культурного человека печатные работы за подписью являются самыми твердыми обязательствами. Так вот, в этой статье о курортах Крыма, отмечая, что прежде Крым служил местом отдыха лишь для состоятельной публики, я указывал, что Сов<етская> власть использовала дворцы аристократии и крупной буржуазии для бесчисленных масс трудящихся, измученных в условиях жизни, для инвалидов труда, дав им такую обстановку и удобства, о каких раньше они и не могли мечтать ("Весь Крым", 1925 г<од>, стран<ица> 348).

Если ряда лет службы недостаточно, для того чтобы заработать доброе имя честного работника, то приведенными строками из моей статьи, казалось мне, я определенно связал свою судьбу с Сов<етской> властью, ибо понятно, что за такое отношение и к ее виллам и дворцам

буржуазия, придя в наш союз как интервент, скоро расправилась бы со мною. Как при таких условиях можно конструировать обвинение в помощи международной буржуазии в ее борьбе за ее бывшее имущество?

Возможно, что при большой разнообразной работе у меня могли образоваться враги, которые неправильно осветили для ГПУ мой образ. Но, к сожалению, при допросах я был лишен возможности сказать о себе так подробно, как это сделано в этой записке. И поэтому пишу все изложенное в доказательство, что для каких-либо контрреволюционных выступлений нет оснований ни в моем характере, ни во всех условиях моей жизни и труда. Меня скорее можно упрекнуть в излишней академичности, в неумении обращаться с массами и в склонности к кабинетной работе при анализе политических явлений.

Всякому человеку свойственно считать себя невиновным, и к его заявлениям в этом отношении можно отнестись с недоверием, но о моей лояльности и о моей заинтересованности в интересах сов<етского> строительства знают почти все ответственные работники Крыма. Из них я могу указать на живущих в Крыму т<оварищей> Гавена и Шмидта, на т<оварища> Гончарова в Самарканде, т<оварищей> Сают-Галиева и Дерен-Айерлы (бывш<ий> Пред<седатель> С<овета> Н<ародных> К<омиссаров> Крыма) и на ряд современных Нар<одных> ком<миссар>ов Крыма: В. Ибраимова, Шугу, Галкина, Герасимова, Бортникова и друг<их>.

К 10-тилетию Сов<етской> власти я оказался выкинутым из числа полноправных граждан Союза. Считая это несправедливым я буду стараться разрушить это обидное для меня недоразумение»⁷.

Обращение заведующего юридическим отделом Помполита не помогло, и Владимир Николаевич Тальберг был отправлен в Новосибирск⁸, где вновь обращался за помощью в Помполит⁹. В январе 1928 — благодаря ходатайству Помполита он был амнистирован, но остался там же работать, получив разрешение ГПУ. 20 июля 1928 — скончался в Новосибирске.

В конце июля 1930 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью его жена, Мария Федоровна Тльберг.

<27 июля 1930>

«27/VII.

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна.

Вы помогли мне в хлопотах об облегчении участи мужа моего покойного Влад<имира> Никол<аевича> Тальберга, арестованного в Крыму в 1927 г<оду> и высланного в Сибирь, где он и скончался в июле 1928 г<ода>, состоя на службе на ответственной работе. Мне назначили пенсию 27 р<ублей>, но недавно меня сняли с пенсии, и причина — “смерть кормильца в период отбывания наказания за контрревол<юционную> деятельность, каковые деяния лишают избирательных прав”. Но дело в том, что лишенный из<бирательных> прав не может состоять на службе, а мой покойный муж был амнистирован на 9 м<еся>це (как Вы сами мне сообщали), оставлен на житье в городе Новосибирске, принят с разрешения ОГПУ на службу и умер на службе застрахованным в Соцстрахе, что, казалось бы, дает право на получение после него пенсии, так как я полный инвалид, старая и больная, сама в ОГПУ не обращалась и все хлопоты вела через Ваше общество, — очень прошу Вас, сообщите мне, нельзя ли мне: 1) получить от Вас справку о

⁷ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 270. С. 58-64. Машинопись.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 357. С. 21-24.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 370. С. 10-11.

том, что он был амнистирован, для представления ее в Стражкассу и 2) отдельно для меня лично прошу сообщить, мог ли человек, занимающий место отв<етственного> работника, быть лишенным права голоса. Тогда, как мне представлялось, что админ<истративная> высылка не поражает в правах. Напоминаю Вам даты: 14 июня 1927 г<ода> был арестован в г<ороде> Симферополе, 1 ноября прибыл в Новосибирск и 9/1-1928 г<ода> Вы мне сообщили о применении ему амнистии; 20/VII того же года скончался. Прилагаю на ответ 2 марки.

Ответ прошу направить в возможно непродолжительном времени заказным по адресу:

Москва, 2 Тверская-Ямская, дом № 8, комната 18, Анне Павл<овне> Четыркиной для М. Ф. Тальберг. Если бы Екатерина Павловна была в отъезде, то очень прошу Михаила Львовича достать мне эти сведения.

С глубоким почтением М. Тальберг»¹⁰.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 503. С. 103-104. Автограф.